

Оглавление

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	49
ГЛАВА 6	60
ГЛАВА 7	69
ГЛАВА 8	81
ГЛАВА 9	88
ГЛАВА 10	100
ГЛАВА 11	107
ГЛАВА 12	118
ГЛАВА 13	130
ГЛАВА 14	138
ГЛАВА 15	149
ГЛАВА 16	159
ГЛАВА 17	169
ГЛАВА 18	182
ГЛАВА 19	189
ГЛАВА 20	196
ГЛАВА 21	204
ГЛАВА 22	219
ГЛАВА 23	228
ГЛАВА 24	234
ГЛАВА 25	243
ГЛАВА 26	251
ГЛАВА 27	258
ГЛАВА 28	268
ГЛАВА 29	277
ГЛАВА 30	287

Книга 1. Двенадцать королей Шарахая

ГЛАВА 31	296
ГЛАВА 32	306
ГЛАВА 33	314
ГЛАВА 34	318
ГЛАВА 35	325
ГЛАВА 36	335
ГЛАВА 37	340
ГЛАВА 38	347
ГЛАВА 39	358
ГЛАВА 40	366
ГЛАВА 41	375
ГЛАВА 42	385
ГЛАВА 43	395
ГЛАВА 44	404
ГЛАВА 45	412
ГЛАВА 46	427
ГЛАВА 47	436
ГЛАВА 48	445
ГЛАВА 49	460
ГЛАВА 50	469
ГЛАВА 51	481
ГЛАВА 52	489
ГЛАВА 53	498
ГЛАВА 54	509
ГЛАВА 55	513
ГЛАВА 56	526
ГЛАВА 57	531
ГЛАВА 58	536
ГЛАВА 59	546
ГЛАВА 60	553
ГЛАВА 61	562
ГЛАВА 62	568
ГЛАВА 63	577
БЛАГОДАРНОСТИ	585
ОБ АВТОРЕ	588

Моим сестрам, Ким и Дон, за вашу силу, заботу и любовь к родным. Все это передалось и моим персонажам, особенно Чедэ.

Глава 1

В полутьме крошечной комнатки, скрывавшейся под самой большой бойцовой ямой в Шарахае, Чеда готовилась к поединку, затягивая шнуровку кожаных шингартов — выдавших виды перчаток без пальцев. Город на поверхности, как всегда, дышал жаром, но в комнате было прохладно. Вдоль стен, украшенных расписными глиняными плитками, темнели заботливо натащенные отовсюду полки и скамьи. До блеска отполированные за десятилетия службы, они придавали этому месту уютный, обжитой вид. Будь Чеда простым «бойцовым псом», ютилась бы сейчас на задворках, в одной клетушке с дюжиной таких же, но первая же победа обеспечила ей особое положение. Всего в четырнадцать лет.

Боги... неужто пять лет прошло?

Чеда сжала кулаки, с удовольствием слушая скрип кожи, чувствуя, как натягивается на костяшках кольчужное полотно. Проверила каждый ремешок доспеха. В последний раз осмотрела поножи, наручи, тяжелую защитную юбку и, наконец, кирасу. Когда-то доспех выкрасили в белый — в цвет волчьих клыков, — но за годы битв краска стерлась и облупилась, кое-где обнажив коричневую кожу. Порядок.

Чеда любила свой доспех: побитый жизнью, помятый в боях. Родной. Положила на колени начищенный до блеска стальной шлем, взглядываясь в железную личину. Та смотрела в ответ провалами глазниц: бесстрастное лицо

женщины, готовой к любой битве. Венчала шлем волчья шкура с оскаленными клыками.

— Они готовы! — эхом разнесся по коридору хриплый старческий голос. Так могла бы рокотать гора. Но это был всего лишь Пелам.

Чеда бросила взгляд на кроваво-красные занавеси, закрывавшие арку входа.

— Иду! — отозвалась она и вновь склонилась к шлему, пробежала кончиками пальцев по знакомым сколам и вмятинам, коснулась пустых глазниц.

«Тултан, проясни мой взор. — Она погладила жесткий волчий мех. — Тааш, направь мой клинок».

Шлем плотно сел на тугие черные косы. Чеда привычным движением затянула ремешок под подбородком, стояла немного, распределяя вес доспеха, и, откинув наконец тяжелую занавесь, зашагала навстречу полуденному солнцу, горящему в конце пологого туннеля.

Стены бойцовой ямы встали над ней кругом, нависли ряды трибун, шумное людское море.

«Удачный день у Османа», — подумала Чеда. Сегодня в яме собралась пара сотен зрителей, не меньше.

Половина пришедших поглазеть на бой была из коренных шарахани — они знали бойцовские ямы как свои пять пальцев и давно выбрали, за каких «псов» болеют. Вторая же половина приехала в «сияющий янтарь пустыни» по торговым делам или просто попытать удачу вдали от дома. Чеда презирала их — паразитов, присосавшихся к ее городу, как клещи к собаке. Впрочем, уж ей-то грех жаловаться — на боях она зарабатывала неплохо.

Мальчишка в бирюзовом халате вскочил, тыча в нее пальцем.

— Белая Волчица! Белая Волчица вышла драться!

Зрители в едином порыве поднялись на крик, приветствуя ее, вытягивая шеи, чтобы получше рассмотреть, как она идет через арену, как присоединяется к одиннадцати другим бойцам. Оживились шаромыжники; она еще не

выбрала противника, а бывалые любители боев уже потянулись ставить на Белую Волчицу.

Собравшиеся на арене «псы» поглядывали на Чеду настороженно. Нескольких она знала, остальные же явились в Шарахай издалека, бросить вызов лучшим бойцам. Среди них были женщины — две просто тренированные и сильные, третья — зверюга, гораздо тяжелее Чеды. Среди мужчин, крепких и гибких, выделялся гигант в потертой кожаной кирасе и островерхом шлеме, с которого ниспадала на широкие плечи кольчуга. Халук. Он возвышался над Чедой головы на полторы и глядел исподлобья, словно бык, готовый ринуться в атаку.

Чеда не осталась в долгу: не спеша подошла, выставила руку и надавила большим пальцем на свое кольчужное запястье так сильно, что выступила кровь. Халук глядел на нее озадаченно, но стоило Чедой ткнуть его в грудь окровавленным пальцем, как жестокая ухмылка вылезла на лицо гиганта.

Толпа взревела. Одни бросились делать ставки, другие — занимать места получше. Все узнали древний жест: Чеда заявила право на Халука. По традиции любой мог это право оспорить, но она знала, что никто не осмелится. Кому захочется сойтись с Халуком в первом же бою?

Чеда вернулась на место, демонстративно не глядя на Халука, однако успела заметить, как гнев на его лице сменяется холодным, оценивающим выражением. Хорошо. Он заглотил наживку, значит, теперь точно выберет ее.

Дождавшись, пока хоть немного утихнут трибуны, из прохладной темноты вышел Пелам. Его появление возвещало начало боя, и любители делать ставки вновь оживились, отчаянно выкрикивая суммы.

Пелам, по обыкновению, был одет торжественно: в коричневую шапочку-куфи, расшитый драгоценными камнями жилет и алый кафтан. Впечатление немного портили лишь полы кафтана, запыленные от бесконечного хождения по арене. С собой Пелам нес плетеную корзину. Войдя в круг бойцов, он откинул крышку, сунул тощую руку

внутри, цапнул что-то и извлек наружу рогатую гадюку, свисавшую едва ли не до земли. Гадюка раздула капюшон, извиваясь и шипя, выставила клыки. Пелам был мастером своего дела, но Чеда все равно чувствовала, как при виде змеи волосы встают дыбом.

Редко бывало, чтобы гадюка кусала бойцов, но все же бывало, особенно если «пес» попадался неопытный и начинал дергаться, когда она подползала ближе. Чеда давно привыкла к этому ритуалу и стояла неподвижно, но чужаки-новички порой забывали объяснения Пелама, а разозленной змее все равно, кого кусать: того, кто скачет перед ней или того, кто просто стоит рядом.

Увидев гадюку, извивающуюся в хватке Пелама, бойцы расставили ноги на ширину плеч, лодыжками касаясь друг друга. Проверив их стойки, Пелам выпустил, наконец, змею и отступил.

Гадюка не спешила двигаться, замерли молча бойцы. Раскаленный воздух колыхался от рева толпы, беснующейся, орущей имена своих любимцев. Змея неуверенно повернулась было в сторону Пелама, но быстро передумала: скользнула к Чедe, повернула вновь и проползла прямо между ног Халука. В полной тишине мальчишка-прислужник поймал ее за хвост и сунул обратно в корзину. Судьба сделала выбор, теперь все ждали, кого же выберет Халук.

Он не стал медлить — шагнул к Чедe и плюнул ей под ноги. Толпа взревела.

— Сторожевой Дуб выбрал Белую Волчицу!

Кличка подходила Халуку: он, капитан Серебряных копий, и правда походил на огромный дуб. Но за жестокую натуру ему следовало преподать урок.

Новости разлетелись мгновенно: из соседних бойцовских ям тоже набежали зрители, облепили лестницы.

Навстречу уходящим бойцам выбежала дюжина мальчишек с деревянными мечами, щитами и дубинами. Чеда, как принявшая вызов, имела право выбирать оружие первой, но метка на груди Халука недвусмысленно говорила о том, кто кого вызвал на самом деле, так что Чеда кивнула

ему и махнула рукой в сторону мальчишек, уступая выбор. Другой на месте Халука вежливо отказался бы, но тот лишь усмехнулся и указал на приглянувшееся оружие.

Кандалы.

Возбужденный рев прокатился по толпе раскатом грома: хохот, аплодисменты, взволнованные выкрики недовольных, понявших, что Халук лишил Белую Волчицу преимущества.

Кандалы не были, строго говоря, настоящими кандалами: они представляли собой плетеный кожаный шнур, одним концом крепившийся к запястью одного противника, другим — к запястью второго. Они навязывали быстрый бой до последнего. Не разойтись. Не передохнуть.

Не сводя с Халука глаз, Чеда протянула левую руку Пеламу. Кожаная петля затянулась на запястье. Закрепив другой конец на руке Халука, Пелам взял у подбежавшего прислужника маленький гонг с молоточком.

Мальчишки ушли, закрылись все двери. На арене остались лишь Чеда, Халук и Пелам. Распорядитель церемонно поднял гонг между двумя сошедшимися бойцами. Гулкий удар пронесся над ареной. Пелам отступил.

Тактика Халука была проста: подчинить себе Чеду, управлять ее движениями, поэтому он тут же схватился за провисший шнур кандалов. Но Чеда оказалась готова — подскочила и атаковала сразу, целясь ногой в подбородок. Халук, не ожидавший такого, пошатнулся, уходя от удара. Зря. Чеда перехватила его неуклюже застывшую в воздухе руку и впечатала кулак в скулу противника.

Кольчуга боевых перчаток врезалась в костяшки, но Чеда не заметила боли — главное, что Халуку пришлось хуже. Он неуклюже шлепнулся на задницу, остроконечный шлем слетел и, подпрыгивая, покатился по арене, поднимая клубы пыли.

Толпа взвыла от восторга.

Поняв, что шлем не поймать, Халук перекатился и вскочил на ноги так быстро, что Чеда не успела уложить его снова. Он осторожно потрогал щеку, на которой

набухали кровью царапины в форме кольчужных колец, глянул на собственную руку ледяным взглядом.

До этого Халук просто запугивал наглую девку, пытался вывести из равновесия. Но теперь взбесился по-настоящему.

«Ничто не ослепляет сильнее гнева», — подумала Чеда, наблюдая, как он, припав к земле, накручивает на руку кожаный шнур.

Она изо всех сил рванула шнур назад, и он впился в запястье Халука. Тому было плевать — он все так же медленно, но верно подтаскивал ее к себе. Чеда дернула снова. Не помогло — Халук одним движением погасил силу ее рывка, оскалится в кривоzubой ухмылке, играя могучими мышцами.

Чеда на пробу ударила в бедро, в колено, проверяя, как быстро он защитится. Вновь рванула шнур на себя, но Халук подловил ее: внезапно ослабил натяжение. Чеда запнулась, делая вид, что теряет равновесие, но стоило Халuku рвануться вперед, как она нырнула вправо и подсекла его точным ударом.

Он рухнул, как дуб, сваленный топором, утоптанная земля арены выбила воздух из его груди; схватил было Чеду за лодыжку, но одного удара свободной ноги хватило, чтобы высвободиться. Пока Халук медленно поднимался, Чеда, легкая, как танцовщица, уже отскочила на безопасное расстояние.

Толпа взвыла снова. На этот раз к ликованию присоединились и приезжие, не понимая толком, чему радуются, — лишь местные, шараханы, знали, как редко случаются такие поединки.

Вот уже десять лет ни один боец не мог победить Халука. Чеда же хоть и проигрывала, но редко, за плечами — три года непрерывных, чистых побед. Все знали: история о том, как красиво Чеда сделала непобедимого командира Серебряных копий, мигом разлетится по Шарахаю. Конечно, никто не осмелится говорить об этом при Халуке, но к вечеру весь город будет знать.

Халук понимал это. В его взгляде читалась решимость. Готовность пойти на все. Чеда знала, что так просто он не сдастся.

Они разошлись снова, и над трибунами повисла напряженная тишина. Чеда слышала лишь загнанное дыхание Халука и собственные мерные вдохи и выдохи, оседавшие внутри шлема.

Халук шагнул вперед. Чеда отступила, сжав в кулаке шнур. Халук прихватил его со своей стороны. Так, пядь за пядью, они вновь сошлись на расстояние вытянутой руки. Халук снова пытался сократить дистанцию, но на этот раз вел себя осторожнее. Как положено командиру стражи.

Чеда вновь сработала по ногам, но уже не так успешно. На успех она, впрочем, и не рассчитывала. Вывести противника из равновесия, держать в напряжении, пока готовишься к настоящей атаке, — вот чего хотела Чеда. Ударив снова, она отступила, но на этот раз Халук не отпустил ее так легко: чем больше шнура он забирал, тем больше ей приходилось отдавать, чтобы выдерживать дистанцию. Пока руки не опустели.

Он встал поустойчивее и рванул шнур на себя, подтягивая Чеду все ближе и ближе, на расстояние атаки.

Толпа на трибунах затопала. Мерные, тяжелые удары в абсолютной тишине. Халук потянул снова...

Пора.

Ухватившись за натянутый шнур, Чеда прыгнула вперед. Халук вскинул руку, пытаясь схватить ее за горло, но не успел — Чеда вцепилась в его длинные темные волосы, обхватила ногами бедра, давя на колени, чтобы он наконец упал.

Но Халук не упал — слишком сильный, слишком большой. И слишком предсказуемый, потому что сделал именно то, чего она ждала: расправил плечи и всем весом рухнул на нее, вбивая в землю. Все, что оставалось Чедде, — держаться. Держаться крепко.